

**О РОЛИ ПРОКУРОРОВ И СТЯПЧИХ
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО РОССИЙСКОМУ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
КОНЦА XVIII ВЕКА**

Жуков Г.К.

Прокуратура Новгородской области,
Великий Новгород, Россия
Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской
Федерации, Санкт-Петербург, Россия

До настоящего времени в юридической литературе в недостаточной мере изучено правовое положение прокурора в уголовном процессе по отечественному законодательству конца XVIII столетия. Устоявшееся мнение о том, что до судебной реформы 1864 г. российский прокурор представлял собой только лишь «формального надзирателя» за соблюдением законности во всех сферах, в том числе уголовно-правовой, нуждается в переосмыслении. Судебно-правовые реформы императрицы Екатерины II привели не только к выстраиванию прокурорской вертикали и развитию местной, губернской прокуратуры, но и ознаменовали собой кардинальное изменение роли прокурора и его новых помощников – стряпчих в сфере уголовного преследования лиц, совершивших преступления. Впервые функция уголовного преследования выкристаллизуется в качестве самостоятельной из функции прокуратуры по надзору за исполнением законов, и в правовой системе Российской империи возникает институт должностного обвинения, в котором чинам прокуратуры отводится роль уже не только блюстителей законности, но и «уголовных преследователей» преступлений. Как результат, действующие в губерниях под процессуальным руководством прокуроров стряпчие уголовных и казенных дел становятся прообразами государственных обвинителей, осуществляющих уголовное преследование «ex officio». Углубленное изучение опыта екатерининских преобразований позволяет

**ON THE ROLE OF
PROSECUTORS AND SOLICITORS
IN THE FIELD
OF CRIMINAL PROSECUTION
BY THE RUSSIAN LEGISLATION
OF THE END OF THE 18th CENTURY**

Zhukov G.K.

Public Prosecutor of Novgorod Region,
Veliky Novgorod, Russia
Saint Petersburg Law Institute (branch) of the
Procuracy University of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia

To date, the legal status of the prosecutor in criminal proceedings under domestic law at the end of the 18th century has not been sufficiently studied in the legal literature. The prevailing opinion that before the judicial reform of 1864 the Russian prosecutor was only a 'formal supervisor' for observing the rule of law in all areas, including criminal law, needs to be rethought. The judicial and legal reforms of Empress Catherine II not only led to the building of a prosecutor's office and the development of a local provincial prosecutor's office, but also marked a radical change in the role of the prosecutor and his newly-appointed assistants – solicitors in the field of criminal prosecution of persons having committed a crime. For the first time, the function of criminal prosecution is crystallized as an independent function of the prosecutor's office for supervision of the enforcement of laws, and an institute of official accusation appears in the legal system of the Russian Empire, in which the prosecutor's office is given the role of not only law enforcers, but also 'criminal prosecutors' steps. As a result, criminal and state lawyers acting in provinces under the procedural leadership of prosecutors become prototypes of state prosecutors conducting ex officio prosecutions. An in-depth study of the experience of Catherine's transformations makes it possible to more objectively assess the evolutionary process of the formation of the role of the prosecutor in criminal proceedings and to reveal the laws that caused it. The article makes an attempt

более объективно оценить эволюционный процесс становления роли прокурора в уголовном судопроизводстве и выявить закономерности, его обусловившие. В статье предпринимается попытка не только очертить круг полномочий должностных лиц прокуратуры, связанных с возбуждением и осуществлением публичного уголовного преследования как на общероссийском, так и региональном уровнях, но и с привлечением архивных источников оценить эффективность их практической реализации.

Ключевые слова: полномочия прокурора; полномочия стряпчего; прокуратура Российской империи; роль прокурора в уголовном процессе; российское законодательство XVIII века; уголовное преследование.

not only to outline the terms of reference of officials of the prosecutor's office related to the initiation and conduct of public criminal prosecution at both the Russian and regional levels, but also with the help of archival sources to assess the effectiveness of their practical implementation.

Keywords: public prosecutor's authorities; solicitor's authorities; public prosecution of the Russian Empire; the role of the prosecutor in criminal proceedings; Russian legislation of the 18th century; criminal prosecution.

До настоящего времени деятельность екатерининской прокуратуры в юридической литературе исследована в недостаточной мере, с явным акцентом на общенадзорные полномочия прокуроров, при этом преобладает мнение о том, что функция поддержания обвинения перед судом на должностных лицах прокуратуры того времени не лежала [Казанцев, 1993; Мигунова, 2008; Горячковская, 2001; Павлов, 2015; Галузо, 2008].

Правление Екатерины II связано с проведением судебной, административной, губернской и других реформ, итогом которых становится разукрупнение административно-территориальных образований империи, выстраивание и усиление вертикали государственной власти. Вместе с тем происходит и развитие роли генерал-прокурора в различных сферах правоприменения. Более того, именно в конце XVIII столетия у прокуроров в системном виде появляются полномочия по осуществлению уголовного преследования.

Так, широкие полномочия в сфере уголовного преследования по делам о государственных преступлениях были предоставлены генерал-прокурору. Тайная экспедиция при Сенате формально учреждается определением от 25 февраля 1762 г. [Серов, 2015]. Сенату передаются полномочия по расследованию государственной измены и посягательств «противу императорского здравия, персоны и чести». Процессуальное руководство этим вновь созданным органом политического сыска глава государства возложила на генерал-прокурора, который должен был определять подследственность уголовного дела экспедиции, иницируя, тем самым, преследование «по делам важным, кои касаются до первых двух пунктов», в то время как дела «маловажные» генерал-прокурору следовало «жечь, не делая на все то сенатских определений», т.е. фактически принимать решение об их прекращении. В данном случае генерал-прокурор обладал практически всей полнотой обвинительной и судебной власти, имея право и возбудить, и прекратить, и разрешить уголовное дело [Звягинцев,

Образец цитирования:

Жуков Г.К. О роли прокуроров и стряпчих в сфере уголовного преследования по российскому законодательству конца XVIII века // BENEFICIUM. 2020. № 2 (35). С. 77-86. DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).77-86](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).77-86).

For citation:

Zhukov G.K. On the Role of Prosecutors and Solicitors in the Field of Criminal Prosecution by the Russian Legislation of the End of the 18th Century // BENEFICIUM. 2020. No. 2 (35). pp. 77-86. (In Russ.). DOI: [http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2\(35\).77-86](http://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2020.2(35).77-86).

Орлов, 1994]. Во второй половине XVIII века практикуется учреждение чрезвычайных следственных органов для расследования наиболее объемных и сложных дел о преступлениях против государственной власти. Генерал-прокурор играет значительную роль в организации следствия и суда по таким делам. В этой связи показателен пример дела о восстании Емельяна Пугачева. После его ареста генерал-прокурор осуществлял надзор за ходом следствия и руководил уголовным преследованием путем направления письменных указаний следственной комиссии. Например, на основании письма генерал-прокурора Вяземского Пугачев был допрошен о причастности к восстанию крестьянина села Котловки Карася [Звягинцев, Орлов, 1994]. На руководителя сенатской прокуратуры также были возложены обязанности по подготовке уголовного дела к судебному разбирательству, в том числе он согласовывал с императрицей состав суда и круг обвиняемых, предаваемых суду. Из числа подсудимых исключались сотрудничавшие со следствием казацкие старшины, которые, собственно, и выдали Пугачева властям. Именно прокурор представил императрице экстракт – фактически итоговый обвинительный документ, – содержащий описание инкриминируемых Пугачеву и другим соучастникам деяний, а также содержание данных допрошенными лицами показаний.

Роль прокуроров в сфере уголовного преследования предопределялась принятым императрицей в 1767 г. «Наказом Комиссии о составлении проекта нового уложения» (далее – Наказом), который предусматривал разделение уголовного преследования на частное и публичное и содержал ее суждения о необходимости расширения полномочий прокуроров. Приводя в сравнение положительный опыт зарубежных стран, в которых король «сажает чиновного человека ради гонения преступлений именем самого короля», что сводит на нет профессию доносчиков, Екатерина II указывала на необходимость развития созданного Петром I института уголовного преследования путем наделения прокуроров полномочиями «изыскивать и производить все безгласные дела» [Полное собрание законов Российской империи. Том XVIII. №12949]. Реформирование должно было проходить за счет изменения полномочий прокурора и учреждения подчиненных ему должностных лиц, обязанных осуществлять преследование (ст. 139 Наказа). В итоге в сфере уголовной юстиции прокуратура Российской империи получила функции, схожие с французской прокуратурой; различие заключалось лишь в том, что во Франции прокурор обладал монополией на возбуждение уголовных дел, а в России – лишь по делам публичного обвинения [Dopovan, 2017].

Ключевым актом нормотворчества Екатерины II, определившим правовое положение прокуроров и стряпчих на уровне губерний, являлся законодательный акт, принятый 7 ноября 1775 г., – «Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи» (далее – Учреж. упр. губ.) [Полное собрание законов Российской империи. Том XX. №14392].

Согласно ст. 42-45 Учреж. упр. губ. должности губернских прокуроров и стряпчих казенных дел и уголовных дел вводились при наместническом или губернском правлении, также прокуроры и стряпчие дел должны были состоять при губернских судебных органах – губернском магистрате, верхнем земском суде и верхней расправе. Учреждались, кроме того, должности уездных стряпчих. Таким образом, прокурорский корпус каждой губернии состоял из 12 лиц, включая 4 прокуроров и 8 стряпчих, не считая стряпчих, действовавших в каждом уезде. По предложению генерал-прокурора Сенат назначал соответствующих прокуроров на должности (ст. 77). Стряпчие, за исключением уездных, назначавшихся губернским (наместничьим)

правлением, тоже вступали в должности по указу Сената, но по представлениям соответствующих палат.

Стряпчие позиционируются как помощники прокурора, объединенные с ним единством целей и задач их деятельности и находящиеся в его подчинении. «Губернские прокуроры и стряпчие составляли одну коллегия и связывались такой солидарностью, что дело одного почиталось делом всех троих», – писал Н. Гартунг, выделяя признаки иерархичности и единоначалия в созданной на местах прокурорской организации [Гартунг, 2016]. Фактически, стряпчие становятся олицетворением уголовно-процессуальной составляющей деятельности прокуратуры – неким аналогом генерал-адвокатов, действовавших во французской судебной системе [Hodgson & Soubise, 2017]. Они могли выступать с заключениями вместо прокурора и от его имени. При производстве по уголовным делам стряпчие должны были подчиняться процессуальной позиции, изложенной в заключениях прокурора (п. 7 ст. 406 Учреж. упр. губ.).

В главе XXVII Учреж. упр. губ. регламентировались полномочия прокуроров и стряпчих. Хотя основной функцией прокуратуры на данном этапе остается осуществление надзора за исполнением законов, в том числе в уголовно-правовой сфере, вместе с тем эволюционирует ее дополнительная функция – уголовное преследование лиц, совершивших преступления.

Губернский прокурор, согласно ст. 405 Учреж. упр. губ., должен был реагировать на нарушения закона судами и иные правонарушения, в том числе причинившие ущерб казне или общественным интересам, информируя об этом губернское правление. Сохраняют юридическую силу ранее принятые нормативные правовые акты, наделявшие прокуроров правом приносить протесты на незаконные решения присутственных мест. Вместе с тем, уточнялся порядок их направления: если до 1775 г. прокуроры вносили данные акты реагирования в вышестоящую инстанцию через генерал-прокурора, то теперь на региональном уровне нижестоящие прокуроры направляли свои протесты губернскому прокурору, а тот в свою очередь представлял их генерал-губернатору или наместнику, от которых зависело окончательное решение поставленных в них вопросов. В случае же бездействия начальника губернии лица прокурорского надзора могли обратиться к генерал-прокурору, а он в свою очередь – в Сенат.

Развивается поставленная еще в период петровских преобразований задача прокурора бороться с волокитой при рассмотрении уголовных дел. Прокуроры обязывались регулярно проверять ход рассмотрения дел судами и принимать меры к ускорению производства. На практике в случае выявления факта длящегося бездействия суда по рассмотрению уголовного дела прокурор обращался с предложением принять меры к его скорейшему разрешению. Так, в производстве Новгородской палаты суда и расправы с января 1793 г. по март 1799 г. находилось дело № 1448 по обвинению исправника Старорусского нижнего земского суда Е. Дирина, дворянского заседателя С. Черкасова и регистратора М. Фураева в преступлении по службе. Данное дело длительное время находилось без движения. Выявив этот факт, губернский прокурор М. Воейков 20 октября 1797 г. обратился с письменным предложением в 1-й Департамент Палаты суда и расправы, в котором подчеркнул, что под видом «дополнений справок» дело остается нерешенным с начала 1793 г. В этой связи прокурор предложил суду обратить внимание на данное дело и принять меры к окончанию его рассмотрения. По приговору суда секунд-майор Е. Дирин был осужден за «зловредные взятки», полученные при рассмотрении спора между помещиками о

беглых крестьянах. Суд приговорил Е. Дирина к лишению свободы и постановил уволить его из суда [Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 6].

Состоявшие при прокурорах стряпчие казенных и уголовных дел, во-первых, давали заключения по рассматриваемым губернским правлением делам, во-вторых, инициировали уголовное преследование лиц, совершивших отдельные виды преступлений, либо при наличии определенных процессуальных условий.

Как верно писал А.П. Полежаев, в отличие от прокурора, вобравшего в себя в большей степени надзорные полномочия, стряпчий выступал именно как истец и ходатай [Полежаев, 1859]. Это проявлялось в том, что стряпчие казенных дел возбуждали уголовное преследование по фактам совершения служебных преступлений, хищений казенных средств, государственных преступлений: «по казенным делам и по делам, нарушающим общий порядок, или противным власти и присяжной должности» (п. 3 ст. 406 Учреж. упр. губ.). В свою очередь, стряпчие уголовных дел инициировали преследование преступлений, по которым отсутствовал потерпевший, но имелись доказательства причастности к их совершению конкретных лиц. Стряпчим предоставлялись полномочия возбуждать преследование «не смотря на лица, яко истцу», т.е. в порядке публичного обвинения.

Изучение архивных материалов позволяет, с одной стороны, сделать вывод о сравнительно редком использовании прокурорскими должностными лицами своего права инициировать уголовное преследование¹, с другой стороны – достаточно высоко оценить практическую реализацию имевшихся у должностных лиц прокуратуры полномочий в сфере уголовного преследования в тех случаях, когда они пользовались ими.

Так, с согласия Новгородского губернского прокурора М.И. Завалишина стряпчий инициировал уголовное дело по обвинению в преступлениях по службе судей г. Старая Русса И. Лжанина и М. Прудиновского, которое было рассмотрено Новгородской палатой суда и расправы в 1793-1800 гг. Показания купца С. Коковкина были положены в основу уголовного дела. Купца вызвали в словесный суд, где судья, будучи сам «чрезвычайно пьяным», грубо требовал от него признания «в торговле испорченным вином и в обмере при продаже». Схожие ложные обвинения были также предъявлены старорусскому купцу Крутиковскому. Данное дело было возбуждено по сговору с офицерами Московского гренадерского полка, расквартированного в г. Старой Руссе. В результате стряпчему удалось разоблачить ложные обвинения, выдвинутые против купцов, и словесные судьи И. Лжанин и М. Прудиновский сами подверглись уголовному преследованию за незаконное содержание обвиняемых под стражей и заведомо ложное обвинение [Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-23]. По инициативе стряпчего Олонецкой верхней расправы И. Саблина в 1780 г., обратившегося с донесением об обнаруженных им преступлениях к прокурору верхней расправы, было инициировано уголовное преследование в отношении другого стряпчего – Чепелева, уличенного в оскорблении судьи, уничтожении судебных документов и других «многих недостойных делах» [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 313А].

Вместе с тем трудно согласиться с утверждением, даже таких авторитетных исследователей как Н.В. Муравьев, о том, что губернская прокуратура действовала сво-

¹ Так, изучением фондов ГАНУ № 537 «Новгородская палата уголовного суда» и № 529 «Новгородская палата суда и расправы» выявлены лишь единичные уголовные дела, следствие по которым было начато по доношениям прокуроров и стряпчих / Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 1. Д. 4; Оп. 2. Д. 26, 265, 303, 313А, 349, 624; Ф. 529. Оп. 3. Д. 6, 7, 13, 70.

бодно и независимо от других властей [Муравьев, 1889]. Так, при реализации указанных выше полномочий стряпчие не обладали должной процессуальной самостоятельностью, поскольку в качестве «уголовных истцов» могли выступить лишь с согласия губернского правления, которому предварительно должны были представлять имеющиеся у них доказательства. Прокуроры и стряпчие, состоявшие при верхнем земском суде, губернском магистрате и верхней расправе, возбуждали дело не с санкции местной администрации, а по согласованию с губернским прокурором. Но и эта самостоятельность весьма условна, с учетом того, что глава надзорного ведомства губернии все равно находился в зависимом положении от ее административных органов.

Вместе с тем имелась и объективная причина для ограничения самостоятельности стряпчих, заключающаяся в том, что абсолютное большинство из них не имели юридического образования ввиду отсутствия такого требования к лицам, замещающим соответствующие должности в прокуратуре. Как писал Э.Н. Берендтс, «контингент образованных юристов, который давал в XVIII столетии Московский Университет, а в XIX столетии вновь открытые Университеты и Училище Правоведения (с 1837 г.), был настолько не велик, что встретить юриста в должности, в законах сведущего, охранителя законности, было редкостью» [Берендтс, 1913].

Не позволяет считать стряпчих полноправными государственными обвинителями и продолжавшая существовать в России розыскная модель процесса и формальная система оценки доказательств. Узаконения Екатерины II внесли лишь незначительные изменения в порядок уголовного судопроизводства. Отделение исполнительной власти от судебной привело, с одной стороны, к некоторому разделению процессуальных функций – следствие осуществлялось полицией, а разрешение дела – судом, но в то же время произошла значительная бюрократизация судебных процедур. Каждое судебное действие должно было облекаться в форму процессуального документа, составлявшего основу приговору, поэтому получает развитие сложный, медленный, письменный процесс, который позволял многочисленным судебным инстанциям ревизировать действия нижестоящих судов [Гартунг, 2016]. Продолжается также применение пытки как средства доказывания и сохраняются абсолютные процессуальные полномочия судьи, который самостоятельно производит судебные следственные действия, не позволяя сторонам – в том числе и должностному обвинителю в лице стряпчего – принимать в них деятельное участие. Более того, процессуальная деятельность прокуроров и стряпчих во многом являлась негласной. Указом Сената от 19 декабря 1782 г. разъяснялось, что заключения прокуроров и стряпчих носили закрытый для участников процесса характер и не могли быть разглашены судьями до завершения процесса [Полное собрание законов Российской империи. Том XXI. №15617].

В случае возбуждения дела по инициативе стряпчего он наделялся определенным набором процессуальных полномочий: требовать у суда вызова в суд ответчика (подсудимого), в отношении которого выдвинуто обвинение, заключения его под стражу, если закон предусматривал применение этой меры пресечения по рассматриваемой категории дела, обращаться к суду с ходатайствами о производстве судебно-следственных действий передаче дела из нижестоящих инстанций в вышестоящие, обжаловать решения суда (п. 5 ст. 406, п. 5 ст. 409 Учреж. упр. губ.). В указе от 24 февраля 1784 г. подтверждалось право стряпчих непосредственно участвовать в судебных заседаниях по возбужденным по их искам делам [Полное собрание законов Российской империи. Том XXII. №15939]. Эти правомочия стряпчих следует от-

нести непосредственно к сфере уголовного преследования, поскольку их реализация напрямую способствовала достижению его главной цели – привлечению виновного к уголовной ответственности.

Эволюционирует заложенный Петром I еще во время функционирования службы фискалов и становления прокуратуры принцип профессиональной ответственности должностных лиц. В Учреж. упр. губ. законодатель предусмотрел, что в случае оправдания подсудимого стряпчий уголовных дел обязан был сообщить оправданному по его требованию, по чьему доносу в отношении него инициировано уголовное преследование, «дабы ясно и явно было, что Губернский стряпчий уголовных дел не есть поклепатель невинности». За заведомо ложное обвинение прокуроры и стряпчие несли юридическую ответственность, вплоть до применения к ним такого наказания, которое грозило невинно обвиненному. В этой связи следует отметить наличие практики привлечения стряпчих к ответственности за злоупотребления по службе. К примеру, в 1780 г. Кирилловский уездный стряпчий поручик Д. Казанцов был обвинен в получении не причитающихся ему по должности «апелляционных денег» в сумме 25 рублей (п. 112 Учреж. упр. губ.) [Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 303]. В то же время истории известны и примеры, когда сами должностные лица прокуратуры подвергались преступным посягательствам в связи с исполнением своих служебных обязанностей. Привлечение к уголовной ответственности виновных в совершении таких деяний лиц являлось необходимой гарантией нормальной служебной деятельности прокуроров и стряпчих. Например, Новгородским городским магистратом в 1793-1798 гг. было рассмотрено дело по обвинению новгородского мещанина Е. Фуфаева в нанесении оскорблений стряпчему Крестецкого уездного суда И. Ширяеву [Государственный архив Новгородской области. Ф. 87. Оп. 1. Д. 640].

Анализ правового регулирования роли прокуроров и стряпчих в сфере уголовного преследования в конце XVIII века позволяют нам констатировать эволюционный характер законодательных новелл, реализованных Екатериной II. Стряпчие как должностные лица прокуратуры на законодательном уровне наделялись полномочиями по возбуждению и – отчасти – по осуществлению публичного уголовного преследования по делам о преступлениях, затрагивающих интересы государства. С учетом специфики розыскного судопроизводства, стряпчие становятся «истцами и обвинителями, почти стороною по делам, интересующим государство, правительство или казну» [Муравьев, 1889]. Тем самым, происходит эволюция роли прокуратуры в сфере уголовного преследования от осуществления надзора за его законностью и непосредственного его осуществления в экстраординарном порядке по указу монарха до полностью легитимированного исполнения функции уголовного преследования на системной основе, но по очерченному законом кругу дел и ограниченными процессуальными средствами. Функция уголовного преследования, продолжая носить субсидиарный по отношению к надзорной функции характер, в то же время начинает приобретать самостоятельное значение в свете расширения полномочий прокурора в уголовном процессе.

Наблюдается также развитие характерного для российского уголовного процесса дуализма статуса прокурора, заключающегося в совмещении им ролей обвинителя и гаранта законности. Несмотря на то, что Сенат в своих определениях сравнивал процессуальное положение стряпчего с челобитчиком, он одновременно признавал его блюстителем законности, даже по делам казны, таким образом ставя во главе угла его роль публичного обвинителя, а не адвоката казны. Тем самым, начала

реализовываться идея Екатерины II о создании должности государственных обвинителей, выраженная ею в Наказе. Значимость этой идеи для современного уголовного процесса трудно переоценить, поскольку она является краеугольным камнем принятой российским законодателем публично-состязательной модели процесса. Критически важным достижением отечественного законодательства, на современном этапе утраченным в силу лишения должностных лиц прокуратуры права возбуждать уголовные дела, являлось наделение прокурора (в широком смысле, включая и его «процессуального помощника» – стряпчего) полномочием возбуждать уголовное преследование по «безгласным» делам. Данное полномочие стало определенным защитным механизмом от укрывательства преступлений и позволяло инициировать привлечение к уголовной ответственности должностных лиц, совершивших преступления по службе.

Вместе с тем на рассматриваемом историческом этапе роль прокуроров и стряпчих в процессе судебного разбирательства заключается в основном в предъявлении суду письменных заключений и заявлении ходатайств о порядке производства дела, т.е. характеризуется достаточно пассивными формами, не предполагающими реализацию указанными участниками судопроизводства всей полноты правомочий стороны в процессе. Процессуальная деятельность стряпчих по сбору, закреплению, проверке, оценке доказательств и участию в их исследовании как основных элементах доказывания и осуществления уголовного преследования, законодательно не регламентируется. У стряпчих, как и их процессуальных руководителей – прокуроров, отсутствуют распорядительные полномочия по отношению к выдвинутому ими обвинению, они не вправе отказаться от предъявленного ими «уголовного иска», их заключения носят для суда характер рекомендации.

Библиография

- Государственный архив Новгородской области. Ф. 87. Оп. 1. Д. 640.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 6.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 529. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-23.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 303.
Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 313А.
Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. 280 с.
Галузо В.Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование): монография. Часть I (1649-1825). М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2008. 560 с.
Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судопроизводства Франции, Англии, Германии и России. Академия фундаментальных исследований: История права. № 70. М.: URSS, 2016. 206 с.
Горячкова Ю.М. Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII – начале XX вв. Историко-правовое исследование: Диссертация ... кандидата юридических наук. Белгород, 2001. 195 с.
Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Око государево. Российские прокуроры. XVIII век. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1994. 311 с.
Казанцев С.М. История царской прокуратуры. СПб.: изд. СПбГУ, 1993. 216 с.
Мигунова Т.Л. Административно-судебная и правовая реформы Екатерины Великой (историко-правовой аспект): Автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Владимир, 2008. – 49 с.

- Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Том первый. Прокуратура на Западе и в России. М., 1889. 568 с.
- Павлов В.С. Общенадзорная функция российской прокуратуры в период самодержавия (1722-1917) // Международный научный журнал «СИМВОЛ НАУКИ». 2015. № 3. С. 160-163.
- Полежаев П.В. О губернском надзоре // Журнал Министерства юстиции. С.-Петербург: Типография Правительствующего Сената. 1859. Том II. С. 37-106.
- Полное собрание законов Российской империи. Том XVIII. №12949.
- Полное собрание законов Российской империи. Том XX. №14392.
- Полное собрание законов Российской империи. Том XXI. №15617.
- Полное собрание законов Российской империи. Том XXII. №15939.
- Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Екатерине II и Павле I: Тайная экспедиция как следственный орган по делам о государственных преступлениях // Российский следователь. 2015. №9. С. 52-56.
- Donovan J. M. Culture and the Courts in France: the Plaidoirie Sentimentale in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Law and History Review. 2017. Vol. 35. Issue 3. pp. 789-828. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0738248017000281>. (На англ.).
- Hodgson J. & Soubise L. Prosecution in France // Oxford Handbooks online. New York: Oxford University Press. June 4, 2017. 21 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935383.013.124. (На англ.).

References

- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 87. Оп. 1. Д. 640. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 529. Оп. 3. Д. 6. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 529. Оп. 3. Д. 7. Л. 1-23. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 303. (In Russ.).
- State Archives of the Novgorod Region. Ф. 537. Оп. 2. Д. 313А. (In Russ.).
- Berendts E.N. O proshlom i nastoyaschem russkoi administratsii [On the past and present of Russian administration]. SPb.: Typography of M.M. Stasyulevich, 1913. 280 p. (In Russ.).
- Galuzo V.N. Vlast' prokurora v Rossii [The authority of a prosecutor in Russia (historical-legal research): monography. Part I (1649-1825)]. M.: UNITI-DANA, Zakon i pravo, 2008. 560 p. (In Russ.).
- Gartung N. Istoriya ugovnogo sudoproizvodstva i sudoproizvodstva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii [History of criminal proceedings and legal proceedings in France, England, Germany and Russia]. Academy of Basic Research: History of Law No. 70. M.: URSS, 2016. 206 p. (In Russ.).
- Goryachkovskaya Yu.M. Prokuratura i prokurorskii nadzor Rossii v XVIII – nachale XX vv. Istoriko-pravovoe issledovanie [Public prosecution and prosecutorial supervision of Russia in the XVIII – early XX centuries. Historical and legal research]. The dissertation for the degree of PhD in Law. Belgorod, 2001. 195 p. (In Russ.).
- Zvyagintsev A.G. & Orlov Yu.G. Oko gosudarevo. Rossiiskie prokurory. XVIII vek [Eye of the Sovereign. Russian prosecutors. XVIII century]. M.: Russian Political Encyclopedia (RUSSPEN), 1994. 311 p. (In Russ.).
- Kazantsev S.M. Istoriya tsarskoi prokuratury [History of the Tsar's Prosecutor's Office]. SPb.: Publisher SPbSU, 1993. 216 p. (In Russ.).

- Migunova T.L. Administrativno-sudebnaya i pravovaya reforma Ekateriny Velikoi (istoriko-pravovoi aspekt) [Administrative, judicial and legal reform of Catherine the Great (historical and legal aspect)]. The Abstract of the dissertation for the degree of PhD in Law. Vladimir, 2008. 49 p. (In Russ.).
- Muravyov N.V. Prokurorskiy nadzor v ego ustroystve i deyatel'nosti. Posobiye dlya prokurorskoy sluzhby. Tom pervyy. Prokuratura na Zapade i v Rossii [Prosecutorial supervision in its structure and activities. Allowance for the prosecutor's office. Volume One The prosecutor's office in the West and in Russia]. M., 1889. 568 p. (In Russ.).
- Pavlov V.S. Obshchenadzornaya funktsiya rossiyskoy prokuratury v period samoderzhaviya (1722-1917) [General supervisory function of the Russian public prosecution during the autocracy (1722-1917)] // International scientific journal «SYMBOL OF SCIENCE». 2015. No 3. pp. 160-163. (In Russ.).
- Polezhayev P.V. O gubernskom nadzore [On Provincial Supervision] // Journal of the Ministry of Justice. S.-Petersburg: Printing house of the Government Senate. 1859. Vol. 2. pp. 37-106. (In Russ.).
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XVIII. No. 12949. (In Russ.).
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XX. No. 14392. (In Russ.).
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XXI. No. 15617. (In Russ.).
- Complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XXII. No. 15939. (In Russ.).
- Serov D.O. & Fedorov A.V. Investigation under Catherine II and Paul I: Secret expedition as an investigative agency for cases on state crimes // Russian Investigator. 2015. No. 9. pp. 52-56. (In Russ.).
- Donovan J. M. Culture and the Courts in France: the Plaidoirie Sentimentale in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Law and History Review. 2017. Vol. 35. Issue 3. pp. 789-828. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0738248017000281>.
- Hodgson J. & Soubise L. Prosecution in France // Oxford Handbooks online. New York: Oxford University Press. June 4, 2017. 21 p. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199935383.013.124](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199935383.013.124).

Об авторе / Author

Георгий Константинович Жуков – заместитель начальника уголовного-судебного отдела, Прокуратура Новгородской области, г. Великий Новгород, Россия; соискатель, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия / **Georgiy K. Zhukov** – Deputy Head of the Criminal Division, Public Prosecutor of Novgorod Region, Veliky Novgorod, Russia; External Doctoral Candidate, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Procuracy University of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia.
E-mail: Hagen5@yandex.ru.